

НАШИ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

ПРОТИВ КРИКЛИВОЙ
СЕРОСТИ

Перестройка в духовной сфере осуществляется, как мне кажется, порой методами, которые механически переносятся из других сфер нашей жизни. Связано это с упрощенным восприятием демократии как постоянного торжества большинства над меньшинством.

Прекрасно, когда широкая общественность использует право голоса

при определении судеб регионов, городов и деревень, рек, озер и морей. Радуюсь, что коллективам предоставляется право выбора депутата, бригадира, администратора из нескольких кандидатур. Но можно ли переносить этот принцип на «выбор» лучших произведений? Представляете себе картину, избранную голосованием в шедевры живописи?

Лавина заурядного, а то и просто бездарного обрушивается на нас после этого как бы по нашей же собственной воле, отраженной якобы в общественном мнении. Глядишь, какая-нибудь, пусть интересная, вещичка безудержной частотой исполнения в эфире и на всех подмостках невольно навязывается в качестве эталона всем слоям общества, всем народам огромной страны.

Удивительные происходят вещи. В эпоху демократии и гласности все более явственно выделяться стали визгливые голоса, которые превше всего ставят свои амбиции, корысть. И не то, чтобы осадить, но даже не потворствовать таким голосам считается уже неудобным — демократия. Как легко порой мы миримся с подмёной общих интересов групповыми!

В «Комсомолке» прочел здоровое замечание, что, минуя художественный совет, на тиражирование звукозаписей попадает почему-то множество убогих произведений. А из журнала «Смена» с удивлением узнал и другое. Оказывается, слушатель Высшей комсомольской школы заявил: «Рок — это наше знамя». В «Советской культуре» выступил популярный ныне композитор Гребенщиков. Из его суждений выходит, что рок — это неотъемлемая часть нашей советской культуры.

Не менее безапелляционно теоретизируют некоторые другие мои коллеги, даже более зрелые. От нечеткости позиций рождаются, скажем, такие определения, как «молодежная музыка». Если бы за этим стояла аналогия с понятием «детская литература», а заодно и требование «писать для детей, как для взрослых, только лучше», то и возражать не приходилось бы. Но на «молодежность» списывается часто бездарность, поспешность, серость.

Связь времен, традиций должна крепнуть. Дело это сложное, трудное, но обязательное. Не маловато ли мы размышляем об этом? Мне представляется, что отпочкование «молодежной культуры» обкрадывает молодых. Они перестают общаться с миром «предков» — с их заботами, бедами, радостями, отрываются от богатств культуры, которой им же владеть. Есть, конечно, и другая сторона медали. Отрицающая, как бывает, веяния новых ритмов, беднеют сами «предки».

Большие мастера сумели, конечно, и неожиданно привнесенные ритмы использовать как дополнительную краску эпохи, но многие теряют естественный колорит, создают нечто без примет места и времени рождения, лишенное корней нравственных основ.

Иных отнюдь не бездарных сочинителей и исполнителей (впрочем, и слушателей) губит дремучее невежество. Оно не позволяет оценить достойное, заставляет мириться с расстраниванием традиций, держит в плену предрассудков. Относится это, естественно, не только к музыке. У нас в республике в некоторых городах вообще не по злой воле, но, следуя чисто хозяйственным интересам, погубили немало замечательных памятников культуры, природы.

Историческая слепота, глупота, беспамятство, упрощенчество непростительны. Ныне с этим все соглашаются. А вот те же незавидные качества, сотнесенные не с прошлым, а с будущим, воспринимаются куда как спокойнее. Иначе почему не получает отпора то недоброе, что из сегодняшнего дня норювет шагнуть в завтрашний? Безусловно, речь веду не о запретительных мерах, не о пресловутом «не пущать», не о пресечении по усмотрению инстанций. Беспокоит обилие смелых речей и робость дел.

В музыкальном мире с засоренностью «окружающей

среды» борьба накала пока не получила. Очень и очень уступчивыми перед напором примитива и серости оказались многие теле- и радиоредакции. Мало-помалу это привело уже к значительным эстетическим, а вместе с тем и к нравственным издержкам.

В Италии на симпозиуме, обсуждавшем проблемы развития массовых жанров, довелось говорить с представителями известной фирмы «Рекорди». Поинтересовался, не убыточны ли для нее пластинки с записями классики и новых крупных произведений. В ответ услышал: «О да, конечно. В подлинно значительные произведения часто приходится вкладывать заведомо проигранные деньги. Но если мы этого не будем делать, то не сможем противостоять экспансии американской «массовой культуры». И не сохраним себя в качестве цивилизованной нации со своим музыкальным наследием». Право же, я порадовался такому ответу. Но и огорчился: давно не слышал подобного от наших «тиражистов».

Удивительно плохо пропагандируем мы свое музыкальное искусство, допускаем некий вакуум, который тут же заполняется вовсе не тем, что нам близко, дорого. Возникает парадокс: у нас высочайшего (по мировым «стандартам») класса произведения крупных и малых жанров, а распространяется ширпотреб с чужим клеймом. Вот передо мной изданная в Соединенных Штатах книга о мюзиклах Бродвея. Это отнюдь не только красочная реклама. Все рассчитано: что, когда, где и сколько раз показать, с какой цены начать и какой закончить видеокассетой. В подобных делах нам бы следовало поучиться планированию и уж во всяком случае разворотливости. Но нет, пластинки выпускаются «Мелодией» крайне медленно, тираж, похоже, определяется наобум.

Не лучше положение с «поставками» на внешний рынок. Не скрою, моему авторскому самолюбию льстило, когда доводилось слышать свои мелодии в Японии, Индии или Никарагуа. Но какими же долгими круглыми путями они туда шли! Однажды могущественная пластиночная держава — американская фирма «Коламбия» захотела приобрести право на издание пластинки с моей музыкой к фильму «Табор уходит в небо». Наша «Внешторгкнига» словесное согласие дала, но посчитала, что между словом и делом должна пролечь зона бюрократических согласований и коктейлей. А фирмачи надеялись за сутки-двое получить пленку-запись, рассчитаться и уехать. В таком темпе сделать им удалось только последнее — уехали ни с чем. Случай весьма характерный.

Мы часто недооцениваем роль искусства как средства сближения народов. Надо бы шире пропагандировать советское через национальное. Мы вправе гордиться великим советским искусством — многокрасочным, многонациональным. Но не в помощь его развитию всякие формальные построения. Можно понять и даже порадоваться удачному фестивальному гала-концерту, устроенному лучшими коллективами республик в столице страны. Но почему любое торжество внутри той или иной республики проводится по общей схеме?

Вот, к примеру, наш «Жок». От великого мастера молдавского танца схема требует показать и кадрили, и гопак, и лезгинку. Хорошо, если это продуманная, органически связанная композиция. В его репертуаре такая есть. Ну а если только формальный набор с невольным — от обязательности — упрощенчеством?

Боюсь, что продуманности, четкой идейной устремленности, наконец, простой деликатности все еще не хватает многим творческим организа-

циям. Станным разграничением всесоюзного «музыкального рынка» упорно занимается также фирма «Мелодия». Она готова прислать в республику свою бригаду для записи, скажем, молдавских дойн. Требование одно: получайте весь тираж пластинок в свое распоряжение, так сказать, для собственного обихода. Музыка рассматривается при этом как товар ограниченного, местного, спроса. И получается, что в Молдавии крайне трудно приобрести записи, скажем, грузинской, а в Грузии молдавской музыки.

И еще о так называемом культурном обслуживании. Сам термин мог быть придуман только чинушами ради удобства статистического учета. Сколько человек «обслужено»? Есть ли пророст количества культурнопригодных? Методика, взятая напрокат у Министерства бытового обслуживания, оказалась при переносе ее в сферу духовной жизни общества активно вредоносной. На ее основе распелла и другая беда — «индустрия развлечений». Подумать только: индустрия!

Да, искусству всегда нужна была в духе и по возможностям времени развитая производственная база — фабрики для выпуска холста, красок, бумаги, музыкальных инструментов, фоноплёнки, магнитной ленты, акустических и проекционных аппаратов, много другого. Все это считалось подсобным, а теперь выходит на первый план. За музыкальное «обслуживание» у нас в Кишиневе берется даже кооператив, созданный при банно-прачечном тресте. Он по своему усмотрению и вкусу организует концерты.

Подобное стало возможным в результате серьезных просчетов в деятельности министерств культуры. Конечно же, не украшают они и работу бюро пропаганды нашего творческого союза. Это замечание — камешек и в свой огород, поскольку являюсь одним из руководителей этого союза. Деятельность хозрасчетных бюро нам предстоит, видимо, по-прежнему таким образом, чтобы они вытеснили далеких от подлинной музыкальной культуры, к тому же недобросовестных коммерсантов, и сами определяли ситуацию с пластинками, кассетами и концертами во взаимодействии с филармонией. А не с пращечниками.

Приобщение людей, особенно молодых, к подлинной культуре, воспитание в духе высокой нравственности зависит прежде всего от того, в чьих руках оказывается дело. А оно частично попадает на непрофессионалам, опутывается сетями корысти или, что не менее обидно, удивительного легкомыслия. Явно мало у нас серьезных теоретических работ, социологических исследований. В нашей республике, к примеру, почти нет капитальных трудов по истории молдавской музыки, хореографии, музыкальному фольклору.

Талантами страна наша не скудеет. Нам бы от разных перекосов избавиться. От тех, что идут прежде всего от невежества. Оно ведь и без злого намерения может оказать преступным, поскольку не знает цены духовному богатству, легко поддается различным новомодным веяниям. Творческим союзам не удалось еще выработать механизм, который бы отторгал невежество и в своей среде, и в руководстве культурой. Надо оберегать хрупкую природу духовной жизни общества.

Пора растущей демократии, гласности — пора высокой внутренней ответственности, присущей народу, его культуре, искусству. Путать высокие ориентиры с вешками на узких побочных тропках и безответственно, и безнравственно.

Евгений ДОГА.
Народный артист СССР,
лауреат Государственной
премии СССР.